

Человек обязан быть счастливым.
Если он несчастлив, то он виноват.
И обязан до тех пор хлопотать над собой, пока не устранит этого неудобства или недоразумения.

Л. Толстой

1

Япривык к одиночеству. Предыдущий брак настолько измотал меня, что даже на работе возможность посмотреть какой-нибудь телесериал или что-нибудь почитать из книжных новинок я давно уже предпочитал карьерному росту, хорошей зарплате. Сутки — трое — куда уж лучше? Особенно я ценил вечерние часы и выходные дни, когда сводилась к нулю вероятность того, что меня может побеспокоить начальство.

Эх, достать бы и сейчас из тайника новенький телевизор «Самсунг», на который мы сложились нашим маленьким, но дружным коллективом, и посмотреть какой-нибудь свежий боевичок или мелодраму. Ребята без устали качали их из Интернета. Угораздило же меня нарваться на такую дуру!

Стажёрка... Я когда-то преподавал, поэтому совсем зелёных новичков отдел кадров старался направлять именно ко мне. Я достаточно подробно, хоть и нудно, объяснял не только особенности работы, компьютерные программы, но и обговаривал все подводные камни, которые могли возникнуть в отношениях с администрацией, даже давал скопировать билеты и ответы на них для аттестации, которую мы ежегодно проходили.

Я сказал «дура» исключительно по двум причинам. Стажёрка была одета,

как на вечеринку, хотя в моей «избушке» холод стоял такой, что я всем видам дресс-кода предпочитал пару-тройку надетых, как слоёный пирог, тёплых штанов, толстовку и телогрейку.

Одни полы чего стоили! Просто ещё при социализме, не мудрствуя лукаво, землю залили цементом, а сверху постелили линолеум. Пролетарский конструктивизм — ничего лишнего! Зимой торжественно запускался маломощный электрокотёл, но по большому счёту он не спасал.

А здесь — туфли на каблучке, юбка выше колен, колготки в сеточку, ажурная блузка. Было от чего глазам на лоб вылезти.

Ну и другая причина: собственно, все секреты нашего ремесла Ия довольно быстро освоила и с лёгким сердцем могла бы отправиться во-свосяси. Но девчонка очень боялась, что начальство или диспетчер могут позвонить-проверить: как-никак первый рабочий день. Разубеждать её я не собирался, вся ответственность тогда ложилась бы на меня. А рисковать такой синекурой — дураков нет!

Казалось, мы рассказали друг другу всю свою жизнь. И я с ужасом думал: вдруг «ажурный цветочек» надумает остаться на ночь. А я после одиннадцати, сделав последний звонок диспетчеру, вопреки всем инструкциям и запретам обычно дрых без задних ног до шести утра. А тут и дальше, клюя носом, пришлось бы разводиться тары-бары. Но начальство, слава Богу, сочло достаточным «вникать в материал» до 18–00, так что мне недолго оставалось мучиться. Да и воскресенье нынче — Господи, какое уж тут начальство! Тем более, что кого попало в нашу организацию не брали — работали в ней исключительно «блатные сыроежки».

Я и в самом деле уже знал об Ии всё: и то, что сравнительно недавно она похоронила мать, отец лет пять назад как умер. Жила она в двухкомнатной квартире с двумя маленькими детьми. Муж, как часто бывает, «объелся груш» — перебежал к лучшей подруге, что по нынешним временам тоже не редкость. Алименты платил регулярно, но по «серой схеме», да и обобрал при разводе, так что выходило негусто.

Из всех тем мы почему-то особенно заикнулись на «гостевом браке». Мне подобные изыски были совершенно неинтересны, хотя обычно я очень любопытен, или, если выражаться точнее, любознателен. Но Ия приводила в пример свою подругу (ещё одну, сколько же их у неё?), которая жила уже больше года так со своим молодым человеком, была очень довольна и ничего другого не желала. Бойфренд являлся исключительно по выходным, они ходили по друзьям, на концерты, ну и, конечно, во всём остальном зажигали по полной программе. Я пытался возразить: мол, не стоит обобщать, подобный вариант, может быть, и удобен для бизнес-леди, а вот она сама как собирается из положения выходить? Но Ия упорно отстаивала свою точку зрения: мужчина в доме, пусть на два дня в неделю, даже если пару гвоздей забьёт — уже в год сотня получится. Дети не будут расти безотцовщиной: качели, карусели, книжку какую-нибудь малышке почитать. Регулярный секс с одним и тем же партнёром — не то что всякую грязь собирать, внимание, букетик цветов иногда, возможность в складчину в отпуске отдохнуть. Взаимовыручка, поменьше станут всякие дебилы приставать, она уже перестанет быть одинокой женщиной. Что скажут соседи? Да плевать на них. Мужчина

один, фактор постоянства налицо. Ну, а самое главное — можно не спеша настоящего мужа подыскивать. Не дёргаясь, не соглашаясь на всякого рода суррогаты и полуфабрикаты.

Что мне оставалось? Только отшутиться:

— Совсем как у персидско-таджикского поэта XV века Джами:

Пять важных правил в жизни соблюдай —
И на земле увидишь светлый рай:
В делах мирских не возмущай покой,
Зря не рискуй своею головой,
Здоровье береги, как редкий клад,
Живи в достатке, но не будь богат,
И пусть приходит разделить досуг
К тебе надёжный и сердечный друг...

Ия лишь пожалала плечами, поэзия явно не входила в сферу её жизненно важных интересов. Да и как могло быть иначе в её положении?

— Ну что, с нетерпением ждём тебя завтра, дорогой муженёк? Номер мобильного оставила на столе, — лукаво улыбнулась она мне на прощание, когда я ворота за ней закрывал.

Да, бывают же экземпляры! Полный идиотизм! Я наконец дорвался до вождяленного боевика, поужинал и забрался с ногами на диван. Что может быть лучше на белом свете?

Разбудило чувство опасности. Я спал одетым, так что оставалось только откинуть в сторону любимое ватное одеяло и зажечь свет. В бытовке никого. Я отодвинул щеколду, нажал на кнопку выключателя в машинном отделении. Всё оборудование, хоть и полувековой давности, работало, как послевоенные часы «Победа». (До сих пор встречаю иногда у старичков, дизайн сам Сталин утверждал.) Включил прожектор, внимательно осмотрел двор. И здесь порядок. Вернулся к компьютеру, но и на мониторе никаких изменений не было. Да и что вообще могло быть? На стенах, воротах круги из колочей проволоки «змейка», схватись попробуй — вмиг без пальцев останешься. Окно с чугунной решёткой, на входной двери сигнализация. Ещё лет десять назад ничего подобного и в помине не было, жизнь заставила.

Я перевернулся на другой бок, но сон не шёл, хотя, в принципе, я успокоился. Как-то одна из проверяющих дам из очередной комиссии спросила меня: «А вам не страшно здесь ночью, одному?» Я лишь усмехнулся: «В принципе, дома куда страшнее. Тут меня и ОМОН, и спецназ — кто только не охраняет, вон какой список номеров телефонов на стене, не говоря уже о “тревожной кнопке”. А дома кому я нужен?»

Я снова встал, включил планшет, полистал фотографии, которые сделал на память — как я мог не запечатлеть такое «чудо природы»? Красивая девчонка, ничего не скажешь. Собственно, не девчонка, молодая женщина лет тридцати. А что так одевается — наверняка проститутка. Однако ни в коллекции «жриц любви» с раздвинутыми ногами в Интернете, ни на местных сайтах клубов знакомств я её почему-то не обнаружил. Скорее всего, работает на какую-нибудь «мамку» или сутенёра.

Я быстренько прикинул на калькуляторе, во сколько обойдутся мне хиленький букетик цветов, две сумки еды, подарки, развлечения и прочая дребедень. Выходило, что хорошая профессионалка при желании скрасила бы мой досуг раза в два-три дешевле. Хотя услугами подобных дам я никогда не пользовался и мог при подсчёте упустить какие-нибудь непредвиденные расходы.

Жизнь меня никогда особо не баловала, я давно уже не верил не то что в любовь, но и в дружбу тоже. В школе учили, что при капитализме человек человеку — волк. Лихие 90-е окончательно довершили образование. Когда моя бывшая ушла к другому, я даже не удивился: соперник был богатым, я — бедным, какое ещё могло быть объяснение? Не знаю, где моя ненаглядная такого идиота подцепила, но он не только предложил ей наших отпрысков усыновить-удочерить, но даже прописал их в своём особнячке, официально оформив все отношения. Так что жене ничего не оставалось, как только оставить мне и квартиру, и всё, что в ней на тот момент было, в полное моё распоряжение, обязав только в течение года отдать принадлежавшую ей по закону половину деньгами. И никаких расписок: она знала, моё слово — кремень.

Оставшись один, я тут же принялся перестраивать свою жизнь так, как мне не представлялось раньше даже в самых дерзких мечтах. Перебежал на низкооплачиваемую работу, о которой уже упоминал, затем нырнул в первую попавшуюся «чёрную дыру», айтишники везде нужны, а метод «офис на диване» позволяет, особенно при знании языков, работать в любой части света. Не говоря уже о том, что я подстраховался посредником, дабы избежать заморочек с налоговой инспекцией. Драл он с меня аж треть заработка — никакой совести у человека, — но при моём трудолюбии денег у меня всё равно хватало. Ну а дети — я им не навязывался, но и не собирался отказываться. Понадобилось когда-нибудь — буду тут как тут, и на образование средств хватит, и на то, чтобы устроить потом на хорошую работу.

Кое-как я всё-таки уснул. Утром обзвонил нескольких своих самых надёжных коллег на других станциях, но о посетившей меня Прекрасной незнакомке ничего нового не выяснил: двое детей, разведённая, никогда нигде не работала, просили за неё аж из администрации города. И сразу — на постоянное место. Чудеса! Обычно люди у нас до того, как где-то капитально осесть, по нескольку лет на подменах болтаются. Я и сам подобной участи не избежал, просто повезло — уложился в полгода.

2

Конечно, я и думать забыл о посетившем меня «мимолётном видении», но только позавтракать успел, как мне уже позвонили.

— Привет, соня! Плохо же ты исполняешь свои новые супружеские обязанности. Совсем забыл про нас. Пока ставлю тройку. Ну, и когда теперь тебя ждать? Ребята с вечера только и галдят, что про парк отдыха и тамошние аттракционы. Насчёт телефона не гадай, у девчонок с твоей

станции узнала. Кстати, я так подгадала, что графики дежурств у нас с тобой идеально совпадают. Ты, наверное, знаешь, что меня сразу на постоянное место определили? Вчера вечером позвонили-уточнили. Со вторника выхожу.

«Ещё бы не знать, — со злостью подумал я, — ради тебя старушку-пенсионерку в подмену перевели, она сразу заявление на расчёт и накатала».

Как я уже сказал, я давно выкинул из головы нашу вчерашнюю с Ией болтовню и некоторое время, поглаживая гладко выбритые щёки перед зеркалом, пребывал в растерянности, пока не всплыла наконец в памяти фраза из какого-то то ли фильма, то ли мультфильма: «Маленьких обижать не-з-зя!» И в самом деле, дети-то в чём виноваты?

Встретили они меня, конечно, на редкость враждебно. Собственно, а за что им было меня любить? Очередной мамин хахаль, да ещё без машины, непритязательно одетый. Но не зря я педагогику пять лет, как гранит, грыз, поздоровался, представился, ну а дальше такой же ноль внимания, как и с их стороны.

Сам я не обладаю безукоризненным вестибулярным аппаратом. Ия, как видно, тоже. Так что катались в основном «цветы жизни». Восьмилетний Ромочка и шестилетняя Зика, полное имя — Зинаида (зачем так назвали?), которое ей совершенно не подходило. Мы снова трепались на самые разные темы, хотя я в этот раз был уже гораздо осторожнее и больше расспрашивал, чем сам раскрывался. Ну чем ещё можно завоевать молодую мамашу, как не делая комплименты её отпрыскам? Хотя вникал я в детскую тему не зря, по привычке присматриваясь, какие у кого можно развить способности и есть ли они вообще? Ни детей, ни взрослых в случаях тесного общения я никогда не пытаюсь ломать, притирать, подстраивать под себя, самым лучшим методом считая освобождение. Все мы прошли сквозь штамповку, систему ограничений, запретов. Со временем они превращаются в комплексы, устойчивые черты характера, причём чаще всего доказательством от противного. На самом деле всё очень просто. Первое, что нужно выявить, — норму и отклонение. В пределах нормы всё допустимо, отклонения лучше выправлять не самому, а окружением, методом рефлексии, осознанием и осмыслением чужих и собственных побуждений и поступков.

Второй вывод, который я сделал, — дети Ии росли дичками, воспитанием и развитием их никто, кроме школы, не занимался. Уже неплохо. Хуже всего, когда приходится что-то менять, переделывать за другими, чем выстраивать заново.

Что ещё? Ромчик постоянно находился в движении, носился как угорелый, крутился, как юла. У такого мальчонки прежде всего надо занять пальцы: конструкторы, машинки, пластилин, глина, бумажные вырезалки-головоломки. Зике нравился образ «правильной девочки»: хорошо выглядеть, быть центром внимания, привлекать к себе интерес. То бишь если что-то обсуждалось, обязательно надо было поинтересоваться её мнением, в крайнем случае, решать вопрос голосованием.

Атмосфера потеплела сразу, как только мы расположились в кафе-мороженом. Ассортимент — нескончаемая тема для обсуждения. Дети обычно долго не колеблются в таких заведениях, они точно знают, чего

хотят. Но вот «дядя», «мама» — они же ничего не понимают в подобных делах! Сразу из взрослых превращаются в несмышлёнышей, становятся беспомощными, в конце концов сдаются и просят пощады. И это так подкупает! Приводится столько аргументов «за» и «против»! Здесь очень важно уступить: забудьте о том, что нравится вам, возьмите то, что нравится «им». И не забывайте потом, «в процессе», почаще употреблять слова восхищения и благодарности.

В общем, к концу первого «гостевого» дня мы были уже пусть хиленькой, но командой.

Вечером в квартире Ии нас ждал сюрприз: её лучшая подруга Алевтина (та самая, которая раньше, до измены мужа, была подругой № 2) со своим приходящим кавалером. Парень был так себе, слизнячок, типичный жиголо, сама Алёна — невзрачной дурнушкой со смуглым цветом лица да ещё маленького роста. Зато дети были от неё без ума — как видно, она никогда не являлась без подарков. Не изменила своей традиции и на сей раз. А вот характер у неё был — глыба. Меня она моментально оценила и несколько раз не удержалась от брезгливой гримаски. Во время одного из дамских перекуров я даже услышал обрывок фразы: «И куда ты смотрела? Тебя в постели с этим уродом не вырвет? На редкость неудачный выбор!»

В незнакомых компаниях я чувствую себя крайне стеснённо, поэтому быстренько сбежал к детям любоваться подарками. А когда вернулся, веселье было в самом разгаре, и мужичок, пусть самый плюгавенький, для танцев-шманцев идеально подходил. Атмосфера и здесь потеплела. «Жиголо» даже готов был устроить стриптиз, но Алевтина поспешила его увести. Я же, улучив момент, когда Ия пойдёт укладывать детей спать, улизнул по-английски, то есть не прощаясь.

Наутро реакция не заставила себя ждать:

— Ну что, струсил? Не думала, что ты такой заячьей душонкой окажешься. Слушай, может, ты импотент? Мне и такие попадались. Но, ручаюсь, нашим отношениям это совершенно не помешает.

— Да нет, просто я подумал — зачем тебе уроды? Может и вправду рвотный рефлекс сработать.

От неожиданного «момента истины» Ия какое-то время помолчала.

— Понятно, слышал наш разговор с Алей. Но при чём тут она? Тебе ведь не с ней встречаться. Вот сучка, вечно мне завидует, во всё встревает, лучше бы сама на себя почаще в зеркало гляделась. Ну так что скажешь?

— Нет, — без колебаний ответил я. — Плевать я хотел на твою подругу. Причины две. Во-первых, слишком большая разница в возрасте — практически в полтора раза, мне женщина постарше нужна. Во-вторых, ты уж прости, но для меня ты слишком красива: тебя одевать, холить, лелеять нужно, а это совершенно не мой уровень. Я уже давно всё обдумал: решение окончательное, пересмотру не подлежит.

— А как же дети? Ты им так понравился, — успела вставить Ия, прежде чем я отключился.

— Дети у меня есть свои, как ты знаешь, — ответил я как можно холоднее.

Я уже упоминал, что жизнь меня для моего возраста изрядно потрепала. Так что меньше всего на свете хотелось снова брать на себя какие-то обязательства: других детей заводить, а ещё того хлеще — чужих себе на шею вешать. Всяческие усыновления, удочерения, на мой взгляд, — сплошная пропаганда. Я свой долг перед обществом выполнил, вполне могу пожить теперь и для себя любимого. А женщин вокруг, страждущих, жаждущих ни к чему не обязывающих, случайных связей — пруд пруди.

Когда-то я считал наших отечественных классиков неисправимыми романтиками, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что большинство из них достаточно трезво смотрели на жизнь. Вот, к примеру, наш суровый Николай Гаврилович Чернышевский, любимый герой которого, революционер Рахметов, на гвоздях спал. Не противоречил ли он себе, когда говорил: «Богатство — вещь, без которой можно жить счастливо. Но благосостояние — вещь, необходимая для счастья». Или: «Право жить и быть счастливым — пустой призрак для человека, не имеющего средств к тому».

Но ещё лучше высказался на эту тему Лев Николаевич Толстой:

«Жениться надо никак не по любви, а непременно с расчётом, только понимая эти слова как раз наоборот тому, как они обыкновенно понимаются, т.е. жениться не по чувственной любви и по расчёту где и чем жить, а по тому расчёту, насколько вероятно, что будущая жена будет помогать, а не мешать мне жить человеческой жизнью», «Большая часть мужчин требует от своих жён достоинств, которых сами они не стоят».

Убедились теперь, сколько сложностей? Обожаю классиков, всё-таки куда целесообразнее учиться на чужих ошибках, чем на своих собственных. Как вы считаете, к примеру, самому Льву Николаевичу удалось пожить в семье человеческой жизнью? Разве что в романах, в образах своих героев. И за одно то уже человечество полтора века не устаёт говорить ему «спасибо».

Ну а ещё, бога ради, не повторяйте мне эту избитую сентенцию о «стакане воды на старости лет». Весьма спорный вопрос, дадут ли вам дожить до неё ваши потенциальные близкие?

4

Я уже спал и поначалу ничего не понял: кто звонит, зачем? «Дядя Вадим, дядя Вадим...» Потом разобрал наконец:

— Дядя Вадим, это я, Рома. Маме очень плохо. Она просила вам позвонить.

Разумеется, можно было сослаться на «скорую помощь», я ведь не врач, чем я реально мог помочь? Но я сознавал, что во всех случаях нужно сначала разобраться в ситуации на месте. К примеру, отвезут маму в стационар, а что с детьми потом будет?

Наскоро оделся, поймал такси.

Первое, что меня поразило, — контраст между тем, что ещё сравнительно недавно было, и тем, что предстало моим глазам сейчас. В квартире царили запущенность, запустение. Дети тоже особой ухоженностью не отличались, а когда я увидел саму Юю, к которой меня препроводил Ромчик, меня продрало до кишок. Бледная, худая, мешки под глазами, одета в какое-то тряпье. Первое впечатление было, что моя Незнакомка начала спиваться, однако, пройдя на кухню, я не обнаружил там ни пустых бутылок, ни характерной прогорклой закуски. Холодильник вообще был пуст. Я вернулся, растормошил спавшую «мисс мира и окрестностей»:

— Ты мне звонила? Что случилось?

Ия взглянула на меня с испугом, словно увидела привидение, в полной растерянности.

— Ты что-то путаешь, это была не я. Откуда ты вообще взялся? С работы прислали?

Я оглянулся и посмотрел на Ромчика. Тот смущённо отвёл глаза в сторону. Ясно было, чья инициатива.

— Молодец, правильно сделал, — поспешил я поддержать малыша. Тот радостно улыбнулся в ответ.

Необходимо было срочно действовать, но я никак не мог решить, чем заняться в первую очередь. Прошёл в детскую. Зика спала. Уже легче.

— Есть хочешь или до утра потерпишь? — спросил я проследовавшего за мной Ромку.

— Потерплю, — ответил тот охотно. — Я лучше посплю.

Ещё одной проблемой меньше. В принципе, впереди у меня было два свободных дня. Успею во всём разобраться.

Ия опять отключилась. Вновь пришлось её расталкивать.

— Я не звонила, — вновь со страхом сказала она.

— Я уже понял, — со вздохом ответил я. — Ты умоляла детей не вызывать «скорую помощь», вот Ромка и сориентировался. Что случилось, в двух словах хотя бы можешь объяснить?

Ия долго не решалась ответить, наконец бросилась, как в пропасть:

— Обезболивающие лекарства закончились, вот я и вырубилась. Только встану, сразу шатать начинает. У меня неожиданно нашли опухоль мозга, я даже не знаю, сколько мне осталось жить. И уже нет сил держаться. Но если расшифруюсь, меня положат в стационар, ребят заберут в детский дом, на том всё и закончится. Даже мой врач, нейрохирург, отказался дальше мой диагноз скрывать. Поначалу помогал, рисковал, даже подбадривал, обещал в два месяца на ноги поставить. Но, по-видимому, я потеряла не только деньги, здоровье, но даже былую привлекательность.

Да, картина! И всё-таки надо было с чего-то начинать. Лекарства, продукты. Я попросил у Ии ключи от квартиры, узнал, где находится поблизости круглосуточный универсам. Выходило далековато, пришлось вызвать такси по смартфону. Через пару часов холодильник был полностью загружен. Уже неплохо. Я снова разбудил Юю:

— Слушай, может, у тебя остались хоть какие-нибудь рецепты? Я съезжу в ночную аптеку.

Ия махнула рукой в сторону секретера.

— Там посмотри. Что-то должно быть. Обычно их отбирают, когда выдают лекарства. На эти у меня просто денег не хватило.

Голова моя лихорадочно соображала. Попусту мотаться по городу слишком накладно, нужно сначала обзвонить аптеки-ночнушки, спросить, есть ли искомое в наличии, и только потом вызывать такси. Ушло ещё три часа, утро вот-вот должно было наступить. Глаза Ии радостно заблестели при виде привезённых мной коробочек: было ясно, что у неё уже выработалась зависимость.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Можно сказать, ты меня с того света вызволил. Проводи до ванной, дальше я сама.

Ну, наблюдать подобные процедуры у меня никакого желания не было. Я выполнил просьбу «коллеги» и пошёл на кухню, раздумывая, что бы соорудить поскорее на завтрак. Повар из меня, конечно, никудышный, но овсянку сварить, яичницу с сыром сварганить — вполне реально для холостяка со стажем. Я положил в вазу помытые с мылом яблоки, апельсины, бананы.

Картина преображения была полная. Ия вошла в кухню с вполне осмысленным выражением лица, не шатаясь, в кокетливом халатике, даже немного накрашенная.

— Что с работой? — первым делом поинтересовался я.

— Не потеряла ещё. Пока на больничном. Диагноз пустячный, Яков Арьевич помог.

— Дети? — всё так же коротко продолжил свой допрос я.

— Тоже ни дня не пропустили. Но и в школе, и садике задолженность, мне уже и записки передавали, и по телефону из администрации звонили.

— Хорошо, — кивнул я. — Дальше что делать будем?

— Ничего, — со вздохом ответила Ия. — Сдаваться. Все ресурсы исчерпаны, что могла, я сделала. Попрошу соседку за детьми посмотреть и вызову «скорую». Огромное спасибо тебе за помощь. Извини уж, что мы тебя потревожили.

Я помолчал, мучительно соображая.

— А что Алевтина? Она в курсе?

— Да, немного подбрасывала денег вначале, сейчас тоже настроена, что мне нужно срочно лечь в больницу. Яков Арьевич убедил. Всем удобнее побыстрее сплавить меня. Как говорится, с глаз долой, из сердца вон.

Что я мог сделать? Раз уж лучшая подруга так решила...

— Детей будить не пора?

Ия кивнула:

— Да. Вот только бы не расплакаться. Я ведь их никогда не увижу больше. С ума сойти, как быстро жизнь прошла. Помнишь, как ещё совсем недавно мы смеялись, сидели в кафе-мороженом? Такие счастливые были.

5

Я снова вызвал такси, за всю свою жизнь, наверное, так не шиковал, предпочитая, по понятным причинам, общественный транспорт. Мы развезли ребят, затем я обернулся к Ие:

— Слушай, я хотел бы с твоим хирургом поговорить. Показывай, куда ехать.

Ия пожала плечами, но не стала возражать.

Яков Арьевич оценивающе посмотрел на меня: что, мол, за новый персонаж объявился? Затем со вздохом пробормотал:

— У меня двадцать минут в распоряжении, дальше две операции. Вы что-то хотели узнать? Как вас зовут, кстати?

— Вадим, — представился я.

Мы продолжали сосредоточенно изучать друг друга.

— Ну так я вас внимательно слушаю, Вадим, — нарушил наконец затянувшееся молчание лекарь.

— Всё, — столь же лаконично ответил я.

— Хорошо, — согласно кивнул Яков Арьевич. — Всё, что вы можете сделать в данной ситуации, — помочь мне уговорить одну очень упрямую даму строго следовать указаниям врачей. Полагаю, ей при нашем разговоре присутствовать необязательно. Как вы считаете?

— Согласен, — кивнул я.

Ия недовольно фыркнула, но безропотно удалилась.

Яков Арьевич со скучным видом достал из стола папку с историей болезни.

— Не стану врать, — пошёл он на откровенность, понимая, что пудрить мне мозги бесполезно, — поддался соблазну. Логично было бы отправить нашу красавицу по привычному конвейеру, но уж больно хороша. Зарезут, как пить дать. Кто она? Ни связей, ни денег. А без таких двух решающих факторов, как вы сами понимаете, никто ею всерьёз заниматься не будет. То есть, случай прост, как дважды два, не она первая, не она последняя.

Он нашёл страницу с небольшим снимком и развернул папку в мою сторону.

— Опухоль мозга. Возможно, доброкачественная, возможно, рак. Нужны обследования. Прежде всего проверить все важные органы на метастазы. Как это сделать? Только в больнице. Но в какой больнице? У нас? В Москве? Время идёт. Талончик к врачу в местной онкологии сейчас дают за две недели, когда это было? В былые времена за такую «человечность» главврача расстреляли бы. А ведь медлить никак нельзя, нужно срочно оформлять инвалидность, хотя бы для того, чтобы получить квоты, право на бесплатные лекарства. И что ваша дама? Вцепилась в своих детей, теряет драгоценное время. Кстати, кто она вам?

— Коллега. Просто коллега, — пожал я плечами. — Мать, отец умерли, подругам, бывшему мужу на неё наплевать. Тривиальная история. В общем-то я всё понял. А что, если нам обратиться к платной медицине? Хотя бы для того, чтобы собрать необходимый минимум для анамнеза? В принципе, шансы-то хоть какие-нибудь у неё есть?

— Есть, конечно, — кивнул хирург. — Но только шансы. Всё та же лотерея.

— И что, совсем ничего нельзя сделать? — спросил я.

Эскулап задумчиво постучал пальцами по столу. Мы уже достаточно познакомились, чтобы понимать друг друга с полуслова.

— Ладно, — кивнул Яков Арьевич. — Давайте так: я подключаю дневной стационар и частную клинику, в которой подрабатываю. Вы берёте на себя детей. По возможности вечера Ия будет проводить дома. Но деньги нужны срочно. Когда соберём все анализы и картина в какой-то степени прояснится, будем дальше решать. Вас так устроит?

— Более чем, — кивнул я. — И сколько конкретно?

Яков написал на листочке сумму. У меня в глазах потемнело, но я не подал виду.

— Это, как вы понимаете, только для начала.

И новый удар я выдержал.

— А ваш гонорар? — на всякий случай решил уточнить я.

— Всё включено.

— Ладно, я согласен.

— Хорошо, тогда оставляйте её здесь, — был ответ. — Домой я её вечером сам привожу буду. Машина у меня не ахти, конечно, но всё лучше, чем ничего.

Я помчался в банк за деньгами.

Счастье, когда у человека бывает хоть какой-то божий дар. «Ия плюс Яков», здорово зацепило старика. Ну, а я успел посидеть за компьютером, сварганить не очень искусный ужин, забрать детей из школы и садика, даже покормить их. Ию привезли поздно, но все необходимые лекарства теперь у неё были, так что чувствовала она себя вполне сносно. Мы поужинали, погуляли по улице, затем вернулись, уложили детей спать. Когда я собрался уходить, Ия попыталась уговорить меня остаться. Собственно, я понимал, что не следовало оставлять её одну, всякое могло случиться. Но, что греха таить, пришлось бы спать с ней, а секс с такойходягой... любителем острых ощущений я никогда не был.

— Не переживай, в случае чего позвонишь. А утром я буду, как штык, можешь не сомневаться.

6

Колесо завертелось. Я договорился с одной из соседок, чтобы она подменяла меня во время моих дежурств на работе. Она согласилась, деньги всем нужны.

Наконец обследования практически полностью были пройдены, но картина мало прояснилась. Мы снова закрылись с Яковом Арьевичем в его кабинете для серьёзного разговора.

— Надо ехать в Москву, — сказал он после долгого раздумья. — Я сам с ней отправлюсь на машине. Все необходимые документы я взял, если найдётся подходящий вариант, выьем квоту, кое-какие связи у меня, слава богу, в столице нашей родины сохранились. Ну, а там останется только на Бога уповать, без операции никак не обойтись. Даже для того чтобы взять пробу на биопсию, всё равно придётся черепную коробку сверлить. И какой смысл? Лучше сразу совместить этот процесс с операцией. Но без денег опять ничего не получится. Обследование, по сути, придётся проводить заново. Нужно другое, более совершенное оборудование. У нас такого и в помине нет.

Ничего другого я и не ожидал ещё с самого начала. Что оставалось? Раз уж сказал «а», нужно и «б» говорить.

— Деньги будут. Завтра утром, — твёрдо заверил я. — Опять тот же вопрос: сколько?

Я прочитал на бумажке совершенно неподъёмный вариант, но отступить было некуда. Последний рывок. Во всех случаях можно будет сказать, что я сделал всё, что мог.

Я никогда не залезал в долги, это правило мной свято соблюдалось, но что у меня было на счетах, я уже снял, что можно было продать, продал. К утру я, естественно, не уложился, пришлось попросить ещё день отсрочки.

Ничего, утешал я себя, деньги — дело наживное, не сразу, но восстановимся. Хотя впереди был ещё процесс реабилитации, не следовало обольщаться. Лишь бы врач-грач меня не бросил на полпути.

Дальше потянулись дни неизвестности. Мы договорились не созваниваться попусту.

Когда Ия вернулась, мы снова собрались в попытке понять, «чем сердце успокоится».

— Обследование закончено, — со вздохом сказал Яков Арьевич. — Можно приступать к операции. Но шансов мало, таких специалистов у нас нет. По-настоящему всерьёз можно воспринимать лишь Германию либо Израиль, но суммы там неподъёмные. В Германии у меня хорошие связи, я отсылал туда результаты московских обследований, они сказали, что такие операции они уже делали, девяносто шансов из ста, что удастся Ию спасти. Остался только один вопрос: деньги, где взять такие деньги?

— У нас две квартиры. Что если продать одну? — предложил я. Другого выхода, как ни напрягал мозги, не было.

— А хватит ли? — поинтересовалась Ия.

— Надо узнать.

Я побегал по риэлторским конторам. Результат был неутешителен. Одно дело — продавать квартиру, и совсем другое — продавать её срочно. Я понял, что выручить меня может только один человек. Однако наткнулся в данном случае на полное непонимание.

7

— Ия уже просила меня о помощи, но чем я могу ей посодействовать? Сумма астрономическая, я не собираюсь из-за неё рушить свой бизнес. Может, ты меня за богачку принимаешь? Три салона красоты — итог десяти лет пахоты без продыха. Успокойся, больше не суетись. Ты и так сделал всё возможное и невозможное. Так что подумай лучше о себе. Я, конечно, понимаю тебя, ты сейчас очарован сверх всякой меры, совсем голову потерял, но нельзя же вот так, в корне, рушить свою жизнь.

— Ты ошибаешься, — холодно ответил я, — у меня с Ией ничего нет и никогда не было. Роман у неё — с Яковом Арьевичем, вот старик и в самом деле голову потерял. К нашей большой удаче, между прочим. Иначе нам просто не о чем было бы говорить сегодня. Но ты неправильно поняла меня. Я вовсе не собираюсь вмешиваться в ваши с подружкой отношения. Будешь ты ей помогать, не будешь — какая мне разница? Я просто пред-

лагаю тебе выгодную сделку. Мы слишком много потеряем, если сейчас срочно продадим наши квартиры, ты это сделаешь не спеша, постепенно и наваришь неплохой куш в результате. Ну, а я лично уже столько кредитов в банках набрал, тут вариантов быть не может — кончится тем, что в любой момент на меня насядут коллекторы и отберут всё за бесценок.

Алевтина спала с лица, затем беспомощно развела руками:

— Ну, теперь у меня вообще мозги набекрень встали. Любовь, страсть — как-то можно объяснить, но если нет ни того, ни другого, в чём, собственно, твой интерес? После таких потерь можно вообще не восстановиться. Ты самоубийца?

— Нет, — спокойно ответил я. — Просто человек погибает. И его можно спасти. А ещё — дети останутся с родной матерью. Вот кого я действительно не понимаю, так это тебя. Ия мне чужой человек, ну а ты, получается, только маскировалась под её лучшую подругу? Тебя ведь никто не просит сейчас о помощи, только о выгодной для тебя услуге. Получается, отказываясь, ты её хочешь утопить?

Я даже не поверил, что мне удалось загнать Крошечку Хаврошечку в угол, но ей ничего не оставалось другого, как согласиться.

— Ладно, если все документы с собой, поехали к нотариусу.

Я позвонил Ие, домой к ней заявиться не рискнул.

— Привет, я в долгах, как в шелках. Мне бы не хотелось наводить на твой след коллекторов. Я говорил с Алевтиной, она полностью берёт на себя все оставшиеся проблемы, связанные с твоим лечением. Ну, а сам я исчезаю надолго, в том числе и с работы.

— Подожди, — вскинулась Ия, — почему ты так поступаешь? Мы должны быть вместе, мы всё преодолеем.

— Нет, — твёрдо ответил я. — Я уже говорил тебе: причины всё те же — твой возраст и красота. Не переживай, ты обязательно выкарабкаешься, поверь мне.

8

Жизнь кончилась, я не представлял себе, как вылезу из той дыры, в которую угодил по собственной непроходимой тупости. Снял угол у одной старушки в частном секторе, лишь в крайних случаях выходя за продуктами в магазин. В один из таких «променадов» и остановился возле меня серебристый джип. Я весь сжался, приготовившись удирать, но это оказалась всего лишь Алевтина.

— Привет, надо сказать, с трудом узнала тебя. Всё скрываешься?

Я пожал плечами.

— Пока да, но отдаю долги понемногу. Хочу потом на Север улететь, уже списался с Нефтеюганском. Зарплата нормальная, и специалисты такие, как я, нужны.

— Понятно. Нет желания узнать, что там после твоего бегства произошло?

— Нет, — отрицательно покачал головой я. — Я сделал всё, что от меня зависело, а если в итоге ничего не получилось...

— Ну да, ну да, — согласилась со мной Алевтина, — тут кафешка есть вполне приличная неподалёку, может, посидим часок, раз уж мы так неожиданно встретились?

Я насторожился:

— А что, я и тебе ещё остался должен?

— Нет, не бойся, — рассмеялась Аля. — Эта тема давно закрыта. Просто хотелось бы развеяться, потрепать о том о сём.

О чём конкретно? Я с недоумением выставился на неё, забот у меня и без пустой болтовни хватало.

Собственно, не кафе, ресторанчик. Небольшой, но и в самом деле довольно уютный. Посидеть, поговорить? Ничего хорошего от нашей встречи я не ждал. Заказал себе рыбное ассорти, чего ж стесняться-то, коли дама угощает? Однако от вина отказался, тем более что «девушка» была за рулём.

— Ия выздоровела, — начала выкладывать мне новости Алевтина. — Я ей недавно нашла «папика», тот особо её не балует, но всё же поддерживает на плаву. Так что теперь вам ничто не мешает соединиться.

Я мрачно промолчал, затем не удержался от вопроса:

— Слушай, не откроешь секрет, за что ты так её ненавидишь? Как я понял, вы учились вместе все трое? Обычно такая дружба навек, не забывается.

Аля вскинулась — кто я такой, чтобы ей в душу лезть?

— Дружба? — зло усмехнулась она. — Ты что-то напутал, приятель! Никакой дружбы между нами и в помине не было. Они с Лариской красивые, хорошо одетые, а я кто? Мышь серая? Постоянно издевались надо мной, а когда кто-нибудь из ребят вдруг проявлял ко мне интерес, тут же отбивали. Просто так. Только чтобы лишний раз унижить меня, на место поставить.

Я удивился:

— И чего же ты тогда такой удобный момент упустила? Могла бы отомстить, за все свои слёзки заставить расплатиться.

Алевтина успокоилась, пожала плечами:

— А зачем? Я в Бога верю. Несоразмерно как-то: за смешные детские обиды человека по стенке размазать. Сам-то ты почему не восстановил справедливость? Ведь тут было чистейшей воды мошенничество, а ты даже в полицию не заявил.

Я был ошеломлён. Ничего не скажешь, ещё один, очередной, «момент истины».

— Смотрю, ты вообще до сих пор ни о чём даже не подозреваешь? — удивилась Аля. — Тебя же развели, как последнего лоха, да ещё долгами, как новогоднюю ёлку, обвешали. Где хоть ты сейчас обитаешь-то?

— У одной бабули в халупе-развалюхе. И что, получается, никакой опухоли и в помине не было?

— Откуда? — расхохоталась Аля. — Был старичок, свихнувшийся на молодухе, он ей во всём помогал. Вроде, как в Москву ездили, в Германию летали, а на самом деле у Якова этого на квартире куролесили. Сначала меня хотели на денежку раскрутить, но только я-то ведь не дура. А у Ии... у неё просто выхода не было. Ни работы, ни профессии,

денег, соответственно, тоже. А тут — «шёл навстречу дурачок и попался на крючок». Собственно, в чём-то я тебя понимаю: Ийку ты ещё мог раскусить, но дети — они же гениальные актёры. Тем более что они не играли, жили. На сколоченных двумя прохиндеями гнусных подмостках, искренне веря, что мир обрушился вокруг них: мама умирает, и только дядя Вадим — единственный человек на всём белом свете, который может её и их спасти. А заодно, видимо, и весь мир тоже. Это я к тому, чтобы ты не воображал себя героем, Капитаном Россия.

Ничего не скажешь, удар был сильный, ниже пояса. У меня даже в глазах потемнело, не было сил притворяться.

— Да, верно предрекал мне отец, — медленно проговорил наконец я: — «Со своим отношением к деньгам и женщинам ты умрёшь под забором!»

— Хорошо сказано, — не удержалась, снова рассмеялась Аля, — ну а сам-то он как, интересно, свою жизнь прожил?

— Был военным, мотался с неразлучной женой по гарнизонам, настрогал пять отпрысков, я из них был последышем. Остальные все устроены, счастливы: дети, внуки. Один я — урод. Правильно ты тогда сказала. Ладно, всё равно я рад, что так благополучно всё завершилось.

— И мстить не будешь?

— За что? — пожал я плечами. — Ты лучше о себе расскажи: признайся, хотела чужими руками жар загрести? Ошиблась, девочка, я не того поля ягода. Человек сражался за себя, за детей, его легко можно понять. Сама же сказала, что «королевна» наша никогда нигде не работала, где ей ещё было деньги взять?

— И что, никакой любви между вами и в самом деле не было? — уточнила, не решаясь посмотреть мне прямо в глаза, Алевтина.

— Любовь! — усмехнулся я. — А знаешь ли ты, что такое любовь? Я-то вот, и то лишь совсем недавно проникся. «Всё отдавать и взамен получать» — вот и вся формула в ней. Так что любовь не для меня, как видишь. Не перечать, сколько раз я влюблялся, всякий раз бросаясь в любимого человека с головой, но ничего не менялось, пока не подоспел такой вот совсем уж разгромный итог. Я исчерпал все попытки, и мне не остаётся ничего другого теперь, как только согласиться с Шопенгауэром: «Единственный человек, который не может жить без женщин, — это гинеколог». Ну что, я считаю, мы прекрасно пообщались. Спасибо, что в прошлый раз меня выручила. Считаю, что я навеки теперь твой должник.

Уже встал было, чтобы раскланяться, однако Алевтина задержала.

— Погоди, я так подумала насчёт Шопенгауэра: у меня к тебе есть интересное предложение. Прежнего «гостевого любовничка» я как раз недавно выгнала. Место свободно. Ну а взамен могла бы помочь тебе с кредитами. Да и работой загрузила бы по профилю.

— Нет, — категорично, без промедления ответил я.

— Почему? — вскинулась Аля.

— Чужие деньги — чужая судьба. Мне лично ничего чужого не надо. Да и вообще, необходимо сначала расплатиться с долгами. Самому. Без чьей-либо помощи.

Алевтина несколько минут не могла взять себя в руки. Чувствовалось, что именно моя категоричность сильнее всего ударила по самолюбию.

— Что ж, вольному — воля, спасённому — рай, — холодно подвела итог она. Затем уточнила: — Скажи честно: всё дело в моей внешности, не вдохновляет тебя?

Я пожал плечами:

— При чём тут внешность? Как я понимаю, твои «подружки» опять постарались, ещё со школьной скамьи такой комплекс неполноценности в тебе выработали?

Алевтина молчала, видимо, мои слова не показались ей убедительными. Тогда я решил зайти с другого конца.

— Ты знаешь, была такая оперная певица — Полина Виардо. Чем-то похожая на тебя. Во всяком случае, в эталонном смысле красотой она не блистала. Как только её не звали: и «безобразная красавица», и «музыкальный муравей», и «сажа да кости», но в неё было влюблено столько мужчин, что и не перечить. Одним из них как раз был наш великий писатель Иван Сергеевич Тургенев. Так и катался он за своим «муравьём» по Европе, как привязанный, аж сорок лет. Хочешь, я прочитаю тебе отрывок из одного письма, которыми он её в редкие месяцы разлуки без счёта забрасывал?

Алевтина хмуро кивнула:

— Ну давай. Так и быть, послушаю.

— «Ах, мои чувства к вам слишком велики и могучи. Я не могу жить вдали от вас, — я должен чувствовать вашу близость, наслаждаться ею, — день, когда мне не светили ваши глаза — день потерянный». А вот, если хочешь, ещё одна выдержка: «А вы будьте вполне уверены, что в тот день, когда я перестану нежно и глубоко любить вас, я перестану и существовать».

9

В дверь моей комнаты заглянул сосед по этажу:

— Привет, Вадик, — на бегу крикнул он, — спустись вниз, там тебя охрана на посту спрашивает. Подробности письмом.

Ну, письмом так письмом, шутничок нашёлся! Что за город! Одна молодёжь кругом, я чувствовал себя здесь глубоким стариком. Хотя вообще-то мне на редкость повезло, жилищные условия у меня были царские: двухкомнатная квартира на двоих в обыкновенной пятиэтажке, приспособленной под общежитие. Я как был, в шлёпанцах и тренировочном костюме, скатился вниз. Кому, интересно, я мог там понадобиться?

Охранник в ответ на немой вопрос лишь ухмыльнулся и так же, без слов, показал головой в угол.

— Понял, — коротко ответил я.

Я смотрел на Алю и никак не мог понять, что случилось.

— Хотела устроить мне сюрприз? — спросил холодно.

— Может, пустишь внутрь? Или ты не один? — Наверное, это единственное, что её интересовало.

— Один, — ответил я. — Но ты сильно рисковала, что явилась без предупреждения. У нас тут полно всяких особенностей: вахтовые методы, командировки, меня просто могло не оказаться на месте.

— Ничего, — пожалала плечами Аля. — Я бы подождала. Не хотела рисковать, вдруг нарвалась бы на отказ. А тут поставила тебя перед фактом.

Мне стало стыдно, что я такой негостеприимный: человек всё-таки две тысячи километров отмахал. Да ещё угодил в столь жуткую холодрыгу.

— Ну что, Фарид, — спросил я охранника, — пропустишь гостью?

— А кто она тебе? — спросил тот с обычной своей хитрой ухмылкой.

— Сестра, кто же ещё, — вздохнул я меланхолично.

Тут уж он не выдержал, расхохотался:

— Ага, прямо однойцевые близнецы.

Я охотно поддержал шутку:

— Разнойцевые. Однойцевые всегда однополые.

Новый приступ лошадиного ржания, Фарид никак не мог справиться со слезами на глазах.

— Ладно, иди уж, умник!

Добравшись до своей каморки, я помог Але разобраться с вещами, наполнил ванну, пошёл на кухню собирать ужин.

В отличие от меня Аля вела себя вполне естественно, даже домашние тапочки с собой прихватила.

— Такая вот я непонятная особа, — развела она руками. — Люди в отпуск на юг, на море отдыхать ездят, а я на север рванула. Перепутала направления. Ну как ты здесь? Всё сбилось?

— Нормально, только холодно очень. Да и платить могли бы побольше.

Аля посмотрела мне прямо в глаза:

— Вадим, давай не будем ходить вокруг да около. Зачем я прилетела? Постоянно думала о тебе. Понимаешь, я с самого детства мужиков ненавидела, а уж любовь вообще сказкой считала. А посмотрела в прошлый раз, как ты за нашу «мнимую больную» сражался, с чужими детьми на «ать-два» управлялся, и всё у меня в душе перевернулось. Я вдруг поняла, что ничто в мире по сравнению с такими вот обыденными радостями гроша ломаного не стоит. И всё фразу ту вспоминала: «день, когда мне не светили ваши глаза — день потерянный». Я здесь на любых условиях: могу свои салоны развернуть, на всю жизнь остаться, а если уж совсем не мила, ничего не объясняй, даже вникать не стану. Завтра утром как прилетела, так и обратно умогаю.

«Да, — подумал я с тоской, — жизнь, да и себя тоже, не переделаешь. Спрашивается, кто меня в прошлый раз за язык тянул? Нельзя женщине подобные слова говорить, особенно, если она никогда их не слышала. Хотя... правильно народная мудрость гласит: если уж человек родился любителем приключений на свою задницу, то они найдут его потом везде, куда бы он ни попытался от них скрыться, хоть на краю света».